

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ БЛОКА

Сообщение доктора медицинских наук М. М. Щ е р б ы

и кандидата медицинских наук Л. А. Б а т у р и н о й

(кафедра пропедевтики внутренних болезней

Военно-медицинской ордена Ленина Краснознаменной академии им. С. М. Кирова)

Отсутствие в биографических сведениях и литературных трудах о Блоке «врачебного взгляда», подробной истории болезни казалось нам всегда большим пробелом. Его мы попытались восполнить. Проведение исследования в таком необычном для блоковедения направлении представляется нам вполне уместным, своевременным и корректным, поскольку муссировавшиеся прежде и существующие до сего времени слухи о причине смерти Блока требуют медицинских комментариев.

Наблюдавший поэта последние полтора года Александр Георгиевич Пекелис оставил лишь «Краткую заметку о ходе болезни» Блока¹, вскрытия тела не производилось, в клинике Блок никогда не лечился, т. е. истории болезни в традиционном понимании слова нет. Первое и пока единственное медицинское исследование принадлежит Я. В. Минцу, который без всяких оснований причислил Блока к «плеяде гениальных эпилептиков»². Остальные сведения о болезни поэта разбросаны в письмах, дневниках, записных книжках, воспоминаниях. Нами прослежен ход развития болезни — медленный, но неумолимый, накопление малых изменений, которые по несчастному стечению обстоятельств привели к завершающей трагедии — такой как будто неожиданной, но подготовленной, однако, всей жизнью поэта.

Счастливое детство Блока — единственного ребенка в большой семье, всеобщего баловня, вполне отражено в его автобиографических строках: «смутно помню я большие петербургские квартиры с массой людей, с няней, игрушками и елками — и благоуханную жизнь нашей маленькой усадьбы» (VII, 13). Говоря о здоровье Блока в детстве, следует вместе с тем отметить, что с малых лет «проявлялась его нервность, которая выражалась в том, что он с трудом засыпал, легко возбуждался, вдруг делался раздражителен и капризен»³. «Живой, неумолимо резвый, интересный, но очень трудный ребенок: капризный, своевольный, с неистовыми желаниями и непреодолимыми антипатиями», — пишет М. А. Бекетова⁴. Она же объясняет: «Нервность эта была очень понятна, так как Саша родился при тяжелых условиях и родители его, особенно мать, были очень нервные люди»⁵.

Первую серьезную болезнь Блок перенес в шесть лет — экссудативный плеврит, — очевидно, сказался, хоть и кратковременный, контакт с туберкулезным отцом. Болезнь прошла без осложнений благодаря лечению доктора Георгия Андреевича Каррика, известного петербургского педиатра, авторитет которого был для всей семьи непререкаем. Пользуясь его советами, Александра Андреевна «в отношении режима, гигиены и лечения, когда оно было нужно, добилась от Саши до известного возраста полного повиновения. Требованиям такого рода он подчинялся беспрекословно, и в результате из него вышел здоровый и сильный юноша»⁶.

Можно упомянуть о немногочисленных болезнях детского возраста: в двенадцать лет — тит (воспаление среднего уха)⁷, дававший себя знать в более позднем возрасте, в тринадцать лет — корь с затяжным бронхитом⁸. О так называемой перемежающейся пензенской лихорадке, перенесенной им в девять и шестнадцать лет, трудно сказать что-либо определенное — возможно, речь шла о распространенной тогда малярии, так как Митропольский лечил этого хиной⁹. Болезням, самочувствию, жалобам окружающих на здоровье уделялось много места в детской переписке Блока¹⁰. М. А. Бекетова указывает на то, что Александра Андреевна «была вообще склонна беспокоиться за сына. Она часто преувеличивала его болезни, беспокоилась, что он простудится по дороге в гимназию и обратно и т. д.», «что называется, ожала над сыном»¹¹.

В целом к двадцати годам Блок был здоров. Сопровождая мать в Бад-Наугейм (1897 и 03), он принимал углекислые ванны «только для удовольствия»¹² и, по мнению курортного

врача, «был совсем здоров, только einwenig* нервен и малокровен и т. д.»¹³ Тем не менее мать показывает его знаменитому Владимиру Михайловичу Кернгу, просит назначить лечение. «Грешно лечить этого молодого человека», — заключил доктор после внимательного осмотра¹⁴.

Окружающих поражало то ощущение здоровья, силы, красоты, лучезарности, крепости и статности, которыми веяло от Блока¹⁵. «Физической силой и физическим здоровьем наделен он был в избытке», — писал В. А. Зоргенфрей¹⁶.

Но даже в эти годы Блок жаловался на «гнет погоды»¹⁷, по письмам можно проследить, как учащались у него простудные заболевания, становясь иногда продолжительными. Например: 1902 г., 13 XI—30 XII — «слег», «жар 40°»¹⁸; 1908 г., 24—31 VII — «сильный жар», «лихорадка»¹⁹; 1909 г., 2.III—3.IV — «кашляю», затянувшийся «бронхит», «горло болело так сильно, что чувствовалось не только при глотании»²⁰, 13.XI — «болезнь заставляет меня сидеть дома еще с неделю»²¹.

С осени 1909 г., начавшегося большими семейными потрясениями, Блок долго лечился (поездка в Италию и Германию не дала эффекта), обращаясь к разным врачам: А. А. Белоголовому (доктору медицины, старшему врачу Обуховской мужской больницы), Козловскому, Федорову, — и пришел к грустному выводу: «всякая болезнь в проклятом Петербурге естественна и разрастается в неопределенные „инфлуэнцы“, лечить которые как следует нельзя»²². Ставился диагноз скорбута (цинги), предписывалось соответствующее лечение. Еще больной, поехал Блок на похороны отца в Варшаву и вернулся с бронхитом²³.

9.XII 1909 г. он впервые жалуется: «постоянно хватает за сердце»²⁴. Встревоженный, Блок обращается в январе 1910 г. к Николаю Федоровичу Чигаеву, доктору медицины, приват-доценту Военно-медицинской академии, главному врачу Свято-Троицкой общины сестер милосердия. Н. Ф. Чигаев нашел «сильнейшую степень неврастении и, возможно, зачатки ипохондрии», назначил общеукрепляющее лечение, рекомендовал санаторий²⁵.

Через год — в январе 1911 г. — Блок лечится уже у другого врача, который тоже советует санаторий, морские купания²⁶. Врач считает пациента «совершенно здоровым и очень крепким физически, хвалит мускулы, говорит, что все недомогания — чисто нервные»²⁷. Для «окончательного упрочения здоровья» рекомендует три раза в неделю шведский массаж. В этот период времени гимнастика, массаж, борьба занимают «определенное место в жизни» Блока²⁸, он чувствует себя «очень окрепшим физически (и соответственно нравственно»²⁹.

Но весной — «возобновление цинги, микробы несерьезные, но такая восприимчивость доказывает вялость всего организма — он недостаточно сильно борется»³⁰. Доктор П. Э. Вихерт (наверное, тот же самый врач, что лечил в январе) дал рецепт для десен с миррой. Очевидно, именно он рекомендовал поэту произвести удаление миндалин, о чем Блок писал В. Пясту с горькой усмешкой: «...я опасюсь за их участь: они выдержали много сражений, и боюсь, как бы их совсем не пришлось удалить с поля битвы (за выслугой лет) оперативным путем. А без гланд, согласитесь, человек уже не жилец на этом свете: всякий будет над ним издеваться, и уличные мальчишки будут бегать за ним по улице и тыкать пальцами»³¹.

Летом мать заметила: «он ужасно нервен, и ему надо серьезно и правильно лечиться» (васт. том, кн. 3, с. 385), направила к врачу. Е. В. Аничков нашел «нервного доктора», к которому Блок отправился, сознавая, что у него «страшно расстроены нервы»³². Невропатолог подтвердил мнение своих коллег, Блок докладывает матери: «он оказался умнее, чем я думал; выслушал, исколот и выстучал меня всего; сердце оказалось в полном порядке, т. ч. купаться я могу, где вздумаю, только не долее четверти часа раз в день, зато хоть целый месяц, вообще — как понравится. Нервы в таком состоянии, что „на них следует обратить внимание“, но через два-три месяца правильной жизни все должно пройти. Правильной жизнью он называет — совсем не пить вина и принимать пилюли с новым средством (арреноль³³ — там есть и бром). Купанье он советует»³⁴. Создается впечатление, что из всех рекомендаций врача Блок прислушался только к последней, и то не мог осуществить ее в полной мере, так как в Бретани «горло сильно болело, температура поднималась до 37,5», целую неделю пришлось сидеть дома³⁵.

* немного (нем.)

Осень 1911 г.: 25.X — «Вчера цинга моя разболелась мучительно (...) Десны болят, зубы шатаются». 26.X — «Сегодня зубам легче» (VII, 77). 25.XI — «боль горла, нервы» (VII, 96). 31.XI — «у меня десны еще немного болят» (VII, 116). С января 1912 г. — длительное недомогание и душевный кризис. Он не принимал никого: ни В. Пяста, ни Г. Чулкова, ни А. Белого, ни С. Городецкого, ни А. П. и Е. П. Ивановых, играл с Любовью Дмитриевной «в дураки и акульки», писал: «тягостно, плохо себя чувствую, пусто, во мне мертвое что-то», «лежу в постели совсем больной», «тоска смертная», «непонятная болезнь, вялость, утомление», «однообразие, апатия, забыл, что есть люди на свете»³⁶. В марте — апреле 1912 г. Блок отмечал: «Все еще не могу поправиться. Цинга оказалась „гингивитом“ (!) — местное (десны)», «тяжело и скучно», «я устал страшно», «какая тоска — почти до слез» (VII, 130, 139—140). И опять: «ночью простудился от форточки», «страшный насморк, охрип, едва читаю на вечере в Петровском училище» (VII, 141). Он сам понимал, в чем дело: «я болен, в сущности, полная неуравновешенность физическая, нервы совершенно расшатаны» (VII, 152).

После кратковременного летнего улучшения самочувствия, когда он писал: «Мне скучно, а здоровье — ничего»³⁷, — всю осень и зиму, а также весну 1913 г. повторяется прошлогодняя картина. Г. И. Чулков писал жене: «Прийти не может, потому что „угнетен“ и ему „нельзя говорить“. От Ремизова я слышал, что у него цинга опять и опять меланхолия: он нигде не бывает» (наст. том, кн. 3, с. 403). Блок делал вывод: «нет, при теперешнем моем состоянии (жесткость, угловатость, взрослость, болезнь) я не умею и не имею права говорить больше, чем о человеческом» (VII, 186). Жалобы прежние: «тягостное утро, одиноко, тоскливо, ничего не выходит», «безделье», «день изнервляющий», «изнеможение», «усталость, вялость», «муть на сердце», «устал бесконечно, скверно сплю», «сон тревожный», «сон ужасный, ужасный день», «день мучительный — болен», «болят десны, скоро замучиваюсь, сопливость», «десны замучили» (VII, 193—198, 204—206). Он и сам замечает: «не особенно чувствую себя, вчера вечером стало лучше, а сегодня опять. Это и расстраивает нервы»³⁸. В начале марта пропал голос, болят горло, Блок лечится компрессами³⁹, и вскоре — «дни невыразимой тоски и страшных сумерек», «мокрая метель, тоска», «бездонная тоска» (VII, 234—236).

Приведенные цитаты достаточно четко указывают на зависимость неврастенических жалоб от обострений хронически текущей инфекции — тонзиллита, этой характерной «петербургской болезни». Тонзиллит — воспаление миндалин (гланд), дающее, помимо изменения со стороны горла, явления общей хронической интоксикации с преимущественным поражением нервной и сердечно-сосудистой системы.

Весь май 1913 г. Блок лечился, после чего «доктор велит ехать купаться в Средиземное море. Потом — в горы»⁴⁰. Летом было кратковременное обострение отита, приходилось закрывать ухо ватой и надевать шлем для купания⁴¹, но в целом наблюдалось заметное улучшение состояния. Только в ноябре 1913 г., в октябре и декабре 1914 г. и 7—8 января 1917 г. (во время службы в армии) встречаются указания на простуду⁴². А в марте 1917 г. Блок пишет: «Я очень здоров, чрезмерно укреплен верховой ездой, воздухом и воздержанием»⁴³.

Следует обратить внимание на то, что на протяжении всей жизни Блок отмечал благотворное влияние физической активности, загородных прогулок и свежего воздуха на свое здоровье. Еще в 1901 г. он писал отцу: «Здоровье мое за лето поправилось»⁴⁴. Сообщал Е. Иванову из Шахматова в 1905 г.: «Днями теперь чувствую, что молодею. Днями становлюсь легкомысленным мальчишкой». В 1906 г., находясь в имении, — А. Белому: «Мне хочется крепко обнять тебя и сообщить тебе столько моего здоровья, сколько нужно». Даже после тяжелой зимы 1907—1908 гг., находясь в Шахматове, «большой частью в очень бодром настроении», пишет Е. П. Иванову: «Не делаю ничего (кроме как топором, лопатой и пр.), но думаю много и хорошо»; осенью учится кататься на велосипеде, наслаждается поездками в Царском селе и Павловске. Летом 1909 г. — В. Пясту из Шахматова: «Теперь кошу траву и рублю дрова, „укрепляюсь“. Многое возвращается»⁴⁵. Ранее мы уже писали о необычно эффективном для Блока лечении в 1911 г. — с использованием гимнастики, шведского массажа, борьбы. Все это подтверждает преобладание функциональных симптомов, отсутствие органического заболевания сердечно-сосудистой системы у Блока до последних лет жизни. В апреле 1917 г., навестив мать в санатории, он показался знаменитому врачу — Юрию Владимировичу Каннабаху, который нашел только неврастению, назначил бром с валериановыми каплями⁴⁶.

В апреле 1920 г. А. Г. Пекелис, живший с Блоком в одном доме, впервые осмотрел поэта по поводу лихорадочного недомогания⁴⁷. Нашел инфлуэнцу с легкими катаральными явлениями, отметил невроз сердца в средней степени. Состояние Блока было ошибочно расценено как «послегриппозный хвост», не были учтены чрезвычайно важные факты. В середине декабря 1919 г. у больного был кратковременный «жар» (ЗК, 483); в январе—феврале Джоном Францевичем Инге диагностировалась инфлуэнца (наст. том, кн. 3, с. 489), появился фурункулез. В конце марта — скачки температуры: «вдруг жар — жар меньше, жар больше» (ЗК, 489—490). Пекелис был у Блока 8 апреля, 15 апреля больной «больше лежит» и даже 22 апреля записывает: «температура не может установиться» (ЗК, 491). Несомненно, обнаруженные симптомы следовало истолковать серьезнее — имелось достаточно оснований для диагностики воспалительного поражения сердца. Это подтверждается дальнейшим течением заболевания. Видевший Блока летом 1920 г. С. Городецкий, удивленный загаром поэта и сходством его с финном, вынужден признаться: «Я скоро убедился, что первое впечатление о сохранности его первоприродных сил было у меня преувеличено»⁴⁸. Н. Г. Чулкова поражена: Блок «огрубел, постарел, глаза тусклые»⁴⁹. Осенью Г. П. Блок удивлен резкими переменами во внешности поэта: «Все черты стали суше — тверже обозначились углы. Первое мое впечатление определилось одним словом: опаленный»⁵⁰. Он же замечает интересный и важный клинический симптом, указывающий на текущий в организме воспалительный процесс, — крупные выпуклые ногти. Зимой 1920—1921 г., вспоминает Н. А. Павлович, Блок сидел у хорошо натопленной печки, но его все равно знобило⁵¹. Жена добавляет — «ломило все тело, особенно руки и ноги (<...> всю зиму»⁵². Под новый год заходил Пекелис, но опять нашел инфлуэнцу (ЗК, 511). М. А. Бекетова отмечает, что только раз «сделалась у него как-то подозрительная боль в области сердца, которую он признал за что-то другое и не подумал обратиться к доктору»⁵³.

И только весной 1921 г., как писал В. А. Зоргенфрей, «впервые заговорили внятнм для окружающих языком» о болезни Блока: он жаловался на боль в ногах, одышку, «чувствовал сердце, поднявшись на второй этаж, садился утомленный»⁵⁴. С. М. Алянский описывает те же симптомы, усилившиеся в апреле 1921 г.⁵⁵ Несмотря на это, Блок 1 мая поехал в Москву; «с трудом сошел вниз, опираясь на палку, с трудом сел на извозчика»⁵⁶. В. Пяст пишет: «Внешне изменился сильно. Не то что постарел, но очень похудел. Нисколько не „опустился“ — но очень измучился»⁵⁷. Того же мнения придерживается П. С. Коган — «худой, измученный, озлобленный»⁵⁸. К. И. Чуковский, сопровождавший поэта, чуть не вскрикнул, нечаянно подняв глаза: «Передо мною сидел не Блок, а какой-то другой человек, совсем другой, даже отдаленно не похожий на Блока. Жесткий, обглоданный, с пустыми глазами, как будто паутиной покрытый. Даже волосы, даже уши стали другие»⁵⁹. Такие резкие и быстрые изменения внешности, вне всякого сомнения, говорят о тяжелой болезни, их нельзя объяснить только утомлением и недостаточным питанием.

Врач Кремлевской больницы Александра Юлиановна Канель нашла «сильное истощение и малокровие, глубокую неврастению, на ногах цинготные опухоли и расширение вен; велела мало ходить, больше лежать, дала мышьяк и стрихнин; никаких органических повреждений нет»⁶⁰. Больной жаловался на слабость, подавленность, испарину, плохой сон, боли в руках и ногах⁶¹. В середине мая, по возвращении в Петроград, Блок осмотрен Пекелисом по поводу «повышения температуры, удушья и боли в груди»⁶². Он обнаружил увеличение сердца влево на палец и вправо на 1½, шум нерезкий на верхушке и во 2-м межреберном промежутке справа, t 39°⁶³, но подтвердил лишь диагноз московского врача⁶⁴. Спустя две недели Пекелис убедился в том, что у Блока «настоящая сердечная болезнь, а не невроз, которые часто бывают обманчивы», назначил полный покой, ежедневно наблюдал⁶⁵. В это время (26—28 мая) Блок писал: «Сейчас у меня ни души, ни тела нет, я болен, как не был никогда еще: жар не прекращался, и все всегда болит», «уже вторые сутки — сердечный припадок (<...>) я две ночи почти не спал, температура то ниже, то выше 38°. Принимаю массу лекарств, некоторые немного помогают. Встаю с постели редко, больше сижу там, лежать нельзя из-за сердца»⁶⁶. Проводившееся лечение дало некоторый положительный результат — поэт говорил, что «доктор склеил ему сердце»⁶⁷, пытался немного работать, разбирал свой архив⁶⁸. Затем — вновь резкое ухудшение, вынудившее 17 июня созвать консилиум: Петр Васильевич Троицкий, профессор, заведующий терапевтическими кафедрами женского медицинского института и Военно-медицинской академии, Эрнест Августович Гизе, заведующий неврологическим отделением Обуховской больницы,

и А. Г. Пекелис. Был поставлен диагноз — острый эндокардит, психастения; П. В. Троицкий сказал: «Мы потеряли Блока»⁶⁹.

Лечение было безрезультатным, процесс прогрессировал: «усиливаются отеки, рвота, боль под ложечкой» (наст. том, кн. 3, с. 526), стали обнаруживаться еще и тягостные симптомы значительного угнетения нервно-психической сферы⁷⁰, «это выражалось в крайней раздражительности, удрученно-апатическом состоянии и неполном сознании действительности (<...> доктор Пекелис приписывал эти явления между прочим отеку мозга, связанному с болезнью сердца»⁷¹. «Мрачность, пессимизм, нежелание — глубокое — улучшения и страшная раздражительность, отвращение ко всему»⁷² послужили причиной того, что посещать больного было запрещено и родным, и знакомым. Только С. М. Алянский имел счастливую способность положительно влиять на умирающего поэта. В его воспоминаниях мы находим описание волнообразного течения болезни: то Блок полусидит в постели, обложенный подушками, ничего не может делать, то спокоен и даже весел, старается работать, то с криком и яростью бросает о печку горсть склянок с лекарствами. По свидетельству К. И. Чуковского, «в начале июля стало казаться, что он поправляется (<...> числа с 25 наступило резкое ухудшение; думали его увезти за город, но доктор сказал, что он слишком слаб и переезда не выдержит. К началу августа он уже почти все время был в забытии, ночью бредил и кричал страшным криком, которого во всю жизнь не забыть», — со слов Е. Ф. Книпович рисует он страшную картину⁷³.

В это время Горький ходатайствует перед Луначарским о переводе Блока в санаторий, окружающие еще надеялись на исцеление. Но «...процесс роковым образом шел к концу. Отеки медленно, но стойко росли, увеличивалась общая слабость, все заметнее и резче проявлялась ненормальность в сфере психики, главным образом в смысле угнетения»⁷⁴. И заключительные слова Пекелиса: «Все предпринимавшиеся меры лечебного характера не достигали цели, а в последнее время больной стал отказываться от приема лекарств, терял аппетит, быстро худел, заметно таял и угасал и при все нарастающих явлениях сердечной слабости тихо скончался» — 7 августа 1921 г. в 10 часов 30 минут.

Все течение заболевания, его симптомы убеждают в том, что Блок погиб от подострого септического эндокардита (воспаления внутренней оболочки сердца), неизлечимого до применения антибиотиков. Подострый септический эндокардит — это «медленно подкрадывающееся воспаление сердца». Обычно наблюдается в возрасте 20—40 лет, чаще у мужчин. Начало заболевания всегда малозаметное, нет никаких указаний на болезнь сердца, состояние ухудшается постепенно, преобладают жалобы на слабость, недомогание, утомляемость, похудание, вплоть до истощения. Лихорадка — наиболее постоянный симптом: сначала подъем температуры незначительный, затем до 39° и выше, колеблющаяся, неправильного типа. Наряду с этим — озноб, прогрессирующее малокровие. Поражение сердца выражается в клапанном пороке (за счет эндокардита) и в миокардите (воспалении средней, мышечной, оболочки сердца). Одно из характерных проявлений подострого септического эндокардита — множественные эмболии (т. е. закупорка, чаще всего тромбом) малых и больших сосудов мозга, внутренних органов, кожи, конечностей. В результате изменений мозговых сосудов развивается картина менингоэнцефалита (воспаления головного мозга и его оболочки). Непосредственная причина смерти — сердечная недостаточность или эмболия. Длительность заболевания — от трех месяцев до нескольких лет (обычно 1,5—2 года).

Течение заболевания зависит в основном от защитных сил организма. Психические перенапряжения и нарушения питания резко, в 3—4 раза, увеличивают частоту возникновения подострого септического эндокардита, что послужило основанием для возникновения термина *Kriegs- und Nachkriegsendocarditis* (военный и послевоенный эндокардит), т. е. острые нарушения жизнедеятельности организма следует считать решающими в возникновении этого заболевания. Возбудителем инфекции обычно являются микробы, находящиеся в полости рта, верхних дыхательных путях, инфицированных зубах, миндалинах. Задерживаясь на клапанах сердца, они вызывают воспаление — эндокардит.

Мы можем утверждать, что Блок умер от первичного подострого септического эндокардита, причиной которого, по всей вероятности, был хронический тонзиллит. Таким образом, смертельная болезнь Блока явилась заключительным этапом, финалом заболевания, всю жизнь его преследовавшего.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Краткая заметка о ходе болезни поэта А. А. Блока» 27 августа 1921 г.— ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, ед. хр. 11.
- ² Я. В. Ми н ц. Александр Блок (патографический очерк).— «Клинический архив генеральности и одаренности», 1928, т. IV, вып. 3.
- ³ М. А. Б е к е т о в а. Александр Блок и его мать. Воспоминания и заметки. Пг., 1925, с. 18.
- ⁴ Там же, с. 35.
- ⁵ Там же, с. 18.
- ⁶ Там же, с. 98.
- ⁷ «Письма к родным», I, № 5.
- ⁸ Там же, № 10—12.
- ⁹ М. А. Б е к е т о в а. Александр Блок и его мать; «Письма к родным», I, № 19.
- ¹⁰ Напр., «Письма к родным», I, № 8.
- ¹¹ М. А. Б е к е т о в а. Александр Блок и его мать, с. 134.
- ¹² Там же, с. 63.
- ¹³ ЛН, т. 89, № 75.
- ¹⁴ М. А. Б е к е т о в а. Александр Блок и его мать, с. 134.
- ¹⁵ К. И. Ч у к о в с к и й. Александр Блок.— В кн.: «Современники». М., «Мол. гвардия», 1962; А. Б е л ы й. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке.— В кн.: «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 1. М., «Худож. литература», 1980; С. Г о р о д е ц к и й. Воспоминания об Александре Блоке.— Там же.
- ¹⁶ В. А. З о р г е н ф р е й. А. А. Блок (по памяти за 15 лет 1906—1921).— «Записки мечтателей». Пг., «Алконост», 1922, № 6.
- ¹⁷ «Письма к родным», I, № 48.
- ¹⁸ ЛН, т. 89, № 13, 34—36, 42; VIII, № 29.
- ¹⁹ ЛН, т. 89, № 154; «Письма к родным», I, № 183.
- ²⁰ VIII, № 204, 208—212.
- ²¹ Там же, № 228.
- ²² Там же, № 229.
- ²³ «Письма к родным», I, № 248—253.
- ²⁴ VIII, № 233.
- ²⁵ «Письма к родным», I, № 256, 258, 261.
- ²⁶ Там же, № 317.
- ²⁷ Там же, № 323.
- ²⁸ М. А. Б е к е т о в а. Александр Блок. Биографический очерк. Пг., «Алконост», 1922; «Письма к родным», II, № 335, 342; VIII, № 266.
- ²⁹ VIII, № 266.
- ³⁰ «Письма к родным», II, № 350.
- ³¹ VIII, № 276.
- ³² В. П я с т. Воспоминания о Блоке. Пг., «Атеней», 1923, с. 95; ЛН, т. 89, № 179—180.
- ³³ Арренал — стимулирующий препарат (соль мышьяковистой кислоты), в настоящее время с производства снят.
- ³⁴ VIII, № 284.
- ³⁵ Там же, № 292, 293.
- ³⁶ VII, № 125—130; VIII, № 313; наст. том, кн. 3, с. 391—392.
- ³⁷ ЛН, т. 89, № 201.
- ³⁸ «Письма к родным», II, № 459.
- ³⁹ VII, № 226; ЛН, т. 89, № 210.
- ⁴⁰ ЛН, т. 89, № 226, 241.
- ⁴¹ VIII, № 352.
- ⁴² Наст. том, кн. 3, с. 425; ЛН, т. 89, с. 334, 342; «Письма к родным», II, № 568.
- ⁴³ VIII, № 413.
- ⁴⁴ VIII, № 12.
- ⁴⁵ Там же, № 77, 102, 177, 187, 191, 224.
- ⁴⁶ VIII, № 417, 418.
- ⁴⁷ См. прим. 1.
- ⁴⁸ С. Г о р о д е ц к и й. Воспоминания об Александре Блоке, с. 341.
- ⁴⁹ «Блоковский сб.», 1, с. 452.
- ⁵⁰ «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 1, с. 100.
- ⁵¹ «Блоковский сб.», 1, с. 494.
- ⁵² «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 1, с. 185.
- ⁵³ М. А. Б е к е т о в а. Александр Блок. Биографический очерк, с. 290.
- ⁵⁴ «Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 151.
- ⁵⁵ С. М. А л я н с к и й. Встречи с Блоком. М., 1969, с. 133.
- ⁵⁶ М. А. Б е к е т о в а. Александр Блок. Биографический очерк, с. 293.
- ⁵⁷ В. П я с т. Воспоминания о Блоке, с. 76.

- ⁵⁸ «Судьба Блока (по документам, воспоминаниям, письмам, заметкам, дневникам, статьям и другим материалам)». Сост. О. Немеровская и Ц. Вольпе. Л., 1930, с. 264.
- ⁵⁹ К. И. Чуковский. Блок как человек и поэт. Пг., 1924, с. 43.
- ⁶⁰ VIII, № 458.
- ⁶¹ Там же; К. И. Чуковский. Александр Блок, с. 490.
- ⁶² М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк, с. 295.
- ⁶³ См. прим. 1.
- ⁶⁴ М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк, с. 295.
- ⁶⁵ Там же, с. 295—298.
- ⁶⁶ VIII, № 461—462.
- ⁶⁷ М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк, с. 297.
- ⁶⁸ С. М. Алянский. Встречи с Блоком, с. 152.
- ⁶⁹ М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк, с. 299.
- ⁷⁰ См. прим. 1.
- ⁷¹ М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк, с. 302.
- ⁷² «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 1, М., 1980, с. 732.
- ⁷³ К. И. Чуковский. Современники. Указ. изд., с. 492.
- ⁷⁴ См. прим. 1.